

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2020-22-3/4-211-221



В.Н. ПОРУС, Ю.М. РЕЗНИК

ЕЩЕ РАЗ О КРИЗИСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВУЗОВСКОЙ ФИЛОСОФИИ



***Аннотация:** В статье представлен диалог между профессором В.Н. Порусом и профессором Ю.М. Резником о характере и причинах критического положения философии в современном российском высшем образовании. Оно более не может объясняться «наследием прошлого», доставшимся нашим современникам от времени, когда философия служила идеологии тоталитарного государства. Коренная причина межееумочного положения философии в современном университете заключается в том, что она оказывается «излишней дисциплиной», не дающей выпускникам необходимых «компетенций» для занятия приемлемой ниши на рынке труда. С точки зрения В.Н. Поруса, противоречие между культурной ценностью философии и целевыми ориентациями системы высшего*

образования является симптомом культурного кризиса, переживаемого Россией.

***Abstract:** The article presents a dialogue between Professor V.N. Porus and Professor Yu.M. Reznik on the nature and reasons for the critical position of philosophy in modern Russian higher education. It can no longer be explained by the “legacy of the past” inherited by our contemporaries from the time when philosophy served the ideology of a totalitarian state. The root cause of the middling position of philosophy in a modern university is that it turns out to be an “unnecessary discipline” that does not give graduates the necessary “competencies” to occupy an acceptable niche in the labor market. From the point of view of V. N. Porus, the contradiction between the cultural value of philosophy and the target orientations of the higher education system is a symptom of the cultural crisis that Russia is experiencing.*

***Ключевые слова:** философия, наука, университет, образование, культура, ценности, власть, мораль.*

***Keywords:** philosophy, science, university, education, culture, values, power, morality.*

***Резник Юрий Михайлович:** Как Вы определяете кризис вузовской философии? Связан ли он с кризисом современной философии как таковой? Отчасти Вы даете ответ в*

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, доцент, научный руководитель Школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва). E-mail: vnporus@hse.ru.

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

своей статье «О кризисе вузовской философии». «Одной из главных причин кризиса является ложное понимание роли и ценности философии, ее культуротворческой функции... Шанс на выход из кризиса — осознание властной элитой своей культурной миссии и привлечение ею к сотрудничеству (предполагающему диалог и взаимопонимание) здоровых, творческих сил философского и научного сообщества России. В связи с тем, что было сказано выше, шанс небольшой. Но если он будет упущен, кризис может стать необратимым» [4, 119].

Но всё ли дело в осознании кризиса властью? Получается ли, что философия не нужна современному обществу?

Порус Владимир Натанович: Я бы хотел остаться в рамках вопроса о кризисе именно вузовской философии. Конечно, он связан с состоянием современной философии как таковой. Но обсуждать это состояние мне не хватит ни времени, ни места, ни компетенции. Замечу только, что философия всегда находилась в перманентном кризисе, потому и жила славной жизнью, находя пути выхода из осознанного кризиса и бесстрашно встречая новый. Что касается нынешней вузовской философии, то кризис для нее — опасность гибели.

Вы просите назвать признаки этого кризиса. Я назвал их в своей статье, написанной почти семнадцать лет назад. Есть ли смысл повторяться? К тому, что было сказано тогда, могу добавить только то, что даже небольшие шансы, пожалуй, упущены.

Нужна ли философия обществу? О каком обществе идет речь? Если на улице спросить десяток случайных встречных, нужна ли им философия, суммарный ответ (возможно, в нецензурной форме) не трудно предугадать. Это отнюдь не означает, что философии нет места в культуре того общества, к которому принадлежат и эти прохожие.

В нашей стране — так сложилось исторически — философия, как и наука, была импортирована и привита к культуре, благодаря усилиям власти. Была выращена и культурная элита, в сознании которой философия занимала важнейшее место. На определенном витке истории интересы власти разошлись с философским отношением к действительности, что и нашло выражение в чеканной формуле князя Ширинского-Шихматова: «Полезность философии не доказана, а вред от нее возможен», в соответствии с которой философия была изгнана из университетов.

В свое время советская власть нашла в философии пользу. Ее использовали как теоретическую базу коммунистической идеологии. Она не просто была включена в систему высшего образования, но и занимала в этой системе привилегированное положение. Да, это был суррогат философии. Но институциональность вузовской философии стояла на этом суррогате как на фундаменте. Когда изменилась власть, суррогат был за ненадобностью выброшен, а институт вузовской философии продолжал стоять, как посещаемые туристами развалины Колизея, в котором уже тысячи лет нет никаких гладиаторских шоу.

Вузовская философия в новых условиях жила по инерции. Чтобы как-то приукрасить этот факт, наговорено множество слов о том, что без философского мышления нет науки, нет гражданского самосознания, нет духовной жизни и так далее. Все эти слова произносились и выслушивались с иронией, но до поры до времени все же принимались в расчет при планировании и организации высшего образования.

Со временем вновь заговорили о неизбежности и необходимости идеологии в науке и высшем образовании [2; 6]. В поисках теоретической базы идеологии снова обратились к философии, но скоро обнаружилось, что в своем нынешнем виде она на эту роль утверждена быть не может: не всякая философия способна удовлетворить властный запрос на идеологию. А унифицировать философию, как это было в былые времена, дело хлопотное и практически безнадежное. Идеологическую базу стали искать в других местах. Не сказать, чтобы поиски были успешными, но к философии более не обращались. Оставшись без властной «крыши», философия превратилась в заурядную вузовскую дисциплину, но выступающую из ряда дисциплин своим привилегированным положением. Понятно, что так не могло продолжаться бесконечно, и конец стал вырисовываться все отчетливее.

Семнадцать лет назад я еще надеялся, что положение может измениться в лучшую сторону. Сегодня у меня этой надежды почти нет.

Ю.М.: *С чем Вы связываете упадок вузовской философии? С плохим качеством учебников по философии, с трудностями убедить студентов или аспирантов в необходимости такой дисциплины, как философия? Вы в своей статье не называете глубинных причин, коренящихся в сознании и социальных практиках многих людей, а лишь указываете на непонимание назначения философии и её культуротворческой роли со стороны власти. Но разве это может служить достаточным основанием?*

В.Н.: Мне кажется, я уже ответил на этот вопрос. Какие-то дополнения, наверное, нужны.

Прежде всего, оставим в стороне качество учебников. За постсоветские годы издано множество вузовских учебников (в том числе переводных) по философии, неисчислимо количество разных лекционных курсов, учебных пособий, хрестоматий, методических разработок. Горы книг по истории философии, логике, философским вопросам математики и этики, эстетики и естествознания, философии науки и философии политики, философии истории и философии искусства... В этом множестве трудно сориентироваться даже специалистам, не говоря уж о студентах.

Вы спрашиваете о качестве этой литературы? Оно разное. Я сам участвовал в написании учебников, поэтому не мне хулить или хвалить усилия коллег. Но дело, повторю, вовсе не в качестве учебников, а в самой сути философского образования.

Если оно признается необходимым и ценным, то даже полное отсутствие учебников не может изменить этого положения. Океан информации бушует в Интернете, необходимые сведения по любому вопросу добываются в два-три клика «мышкой». А если признания нет, его не достичь никакими учебниками.

Вероятно, об этом Вы и говорите, когда упоминаете о неких «глубинных причинах». Такой причиной в сознании и практике студентов и преподавателей вузов является прежде всего изменение смысла и цели высшего образования.

Собственно, даже слово «образование», которое является точным переводом немецкого слова «Bildung», уже потеряло свое значение — приобретение «образа», оформление внутреннего мира, выявление подлинности в человеке, — и стало означать приобретение «компетенций», позволяющих образованному человеку занять какое-то место у конвейера общественного производства (товаров, услуг и чего бы то ни было, что можно продать и купить). Поэтому изменились и технологии образования — в прямом соответствии с его целями. Они «заточены», как сейчас говорят, на

конечный результат, позволяющий человеку, обладающему таким «образованием», обрести более-менее подходящую нишу на рынке труда, товаров и услуг.

Все это общеизвестно, а я только подчеркну: в *таком* высшем образовании философия либо вовсе не нужна, либо терпима, как терпят старую приживалку, стесняясь выгнать ее из дому.

Конечно, интерес к философии у многих студентов есть, и его трудно убить даже самым воинственным прагматизмом. Его можно сравнить с любовью к художественной литературе или музыке. Он не выносит дисциплинарных рамок. Пока этот предмет преподается в виде дисциплины, он требует усилий, затрачиваемых на обучение, иногда довольно серьезных. При этом на достижение поставленных самой системой образования целей эти усилия не оказывают заметного влияния. Поэтому убеждать студентов и аспирантов в необходимости тратить дорогое время и силы на освоение ненужной «науки» — все равно, что сообщать людоедам преимущества вегетарианской пищи.

Что до отношения власти, точнее, бюрократического аппарата, к составу вузовских программ, то здесь мне добавить к уже сказанному нечего. Разумеется, в формировании этого отношения участвуют так называемые экспертные оценки. Но если экспертиза «заточена» на реализацию новой «модели» высшего образования, то ее влияние неизбежно вступает в резонанс с интересами самой власти.

Ю.М.: По Вашему мнению, большинство студентов не видят в философии «практической пользы». Отсюда Вы делаете следующий вывод: «философия как бы поставлена в положение плохо успевающего студента: она должна сдавать и пересдавать экзамен на свою уместность в ряду вузовских дисциплин, выступая при этом заведомым аутсайдером» [4, 116].

Я думаю, что Вы несколько преувеличиваете негативный образ философии в глазах образовательного сообщества. Недавно в Институте философии РАН провели конкурс работ на тему «О пользе и вреде философии». Любопытные там были эссе (см. прим. 1). Это мнения преподавателей философии, которые далеко не все были бы согласны с Вами.

В сходном положении находятся сегодня все социально-гуманитарные дисциплины: история, культурология, социология и другие. Возможно, исключения составляют политология и экономика, и то далеко не во всех случаях. Но сравнивать философию и гуманитарное знание с математикой или информатикой вряд ли стоит.

В.Н.: О мнениях моих коллег — преподавателей философии, об их взглядах на сложившуюся ситуацию я не стану судить по простой причине. Одно дело — писать конкурсные эссе, другое дело — смотреть в лицо истине.

Несколько лет тому назад я выступал в качестве лектора на одном форуме перед элитной группой студентов и аспирантов, оксфордских стипендиатов. И критиковал состояние современной вузовской философии [4]. Говорил примерно то же, что и сейчас: такая, какая она есть, философия в вузе не нужна. Мне казалось, из этого должно было следовать, что ее нужно изменить, сделать другой, необходимой и полезной.

Но умная женщина, организатор этого форума, заметила в приватной беседе, что я договорюсь до того, что философию в вузе вовсе отменят, если сами философы в моем лице признают ее ненадобность:

— Мы с Вами знаем, и ладно. А говорить надо о хорошем, подчеркивать свою значимость, отмечать и хвалить каждое достижение, пропагандировать, даже рекла-

мировать, убеждать, а не выставлять на всеобщее обозрение наши пороки и недостатки!

Мне сдается, что многие мои коллеги думают и поступают именно так. Они, в своем большинстве, внутренне убеждены в том, что какие-то позитивно-значимые изменения в статусе вузовской философии практически невозможны. Если бы даже кто-то предложил разумную и захватывающую модель таких изменений, она все равно наткнулась бы на свое несоответствие преобладающему взгляду на цели высшего образования. Поэтому лучше сохранить status quo и приложить какие-то усилия, чтобы этот самый status не выглядел слишком удручающим. Для этого сгодятся и рекламные буклеты, исполненные оптимизмом бравурные отчеты о проделанной работе, сбор позитивных откликов студентов, рассказы о славном прошлом философии. Словом, надо побольше «позитива» и уверенно глядеть в будущее!

После той нашей беседы прошли годы. Сейчас философия в вузе стоит перед порогом, который вот-вот переступит – с вещами на выход. Буклеты и натужный позитив уже не срабатывают. Но я и сейчас считаю, что не от моих заявлений сие происходит. Если философия лежит на пути, избранном нынешними устроителями высшего образования, ее отшвырнут как камень или бревно, не обращая внимания на возгласы таких, как я.

Конечно, все это относится не только к философии. Но коллеги из других профессиональных цехов пусть говорят сами за себя.

Ю.М.: Несколько слов о пользе или бесполезности философии. Вы утверждаете, что она «необходимая и ничем (ни менеджментом, ни патентным правом) не заменяемая часть культуры, без которой грош цена высшему образованию. Философия позволяет индивиду ориентироваться в пространстве всеобщих культурных ценностей. Она дает специалисту возможность осознать человеческий смысл его профессиональной деятельности. Она открывает человеку бесконечный путь к самопознанию» [4, 117].

Кто-то мог бы усомниться в представленном Вами образе философии. Слишком общим и расплывчатым он выглядит. Трудно возразить тому, что философия служит культурным целям образования и общества в целом. И всё же, не могли бы Вы уточнить, в чем конкретно можно усмотреть пользу от философии?

В.Н.: Рассуждения о пользе, как известно со времен Сократа, быстро приводят к выводу о ее относительности. В чем польза от самогона? Говорят, что он служит хорошим и относительно дешевым, а главное – доступным средством обеззараживания. Это не означает, что он столь же полезен как средство повышения умственной активности.

Если специалист с высшим образованием – это только исправный функционер, то философия ему, честно говоря, без надобности. В лучшем случае, она может служить развлечением и средством насыщения досуга разговорами «за жизнь». Если он сознает себя представителем культуры, чья деятельность неотрывна от внутренней духовной работы, от критической рефлексии, философия является не просто полезной, но необходимой составляющей его жизни.

Да, такие рассуждения часто называют абстрактными и расплывчатыми. Что там вы, дескать, говорите о культуре и прочих возвышенных вещах, когда надо участвовать в жесткой конкуренции на различных рынках, доказывать свое право занимать свою нишу, быть более успешным, чем конкуренты, и все такое прочее? Простите, тут уж не до философии, нам есть чем заниматься в рабочее время! Философствовать – пожалуйста, кому охота, но только на досуге. Но вуз готовит людей именно к работе.

На том разговор и закончится. Правда, некоторые философы, получив афронт, не успокаиваются, а рьяно доказывают свою конкретную пользу.

Мы, говорят они, способны не только удовлетворять любознательность, что, впрочем, также бесполезно. Мы развиваем у людей способность к критическому мышлению, а это важно в любом роде деятельности. Мы расширяем их кругозор, приучаем к креативности... И так далее. Звучит привлекательно. На деле это означает замену философии различными ее поп-версиями и выжимками, например, составленными из элементов логики и теории аргументации, фрагментов риторики и когнитивной психологии, и еще кое-чего, к философии имеющего косвенное отношение.

Еще любят говорить о значении философии для науки. Это ее самосознание, основа методологии, стратегия научного поиска, профилактика от догматизма, стимулятор творческого воображения, конкуренция онтологий и бог весть какие еще замечательные вещи. Как будто студенты поголовно стремятся стать учеными и заниматься фундаментальными исследованиями! Да и ученые — вчерашние студенты и аспиранты, — спросите их, каков коэффициент полезного воздействия на их работу со стороны «остаточных философских знаний», приобретенных ими в университетах?

Рассуждать о пользе философии в терминах, пригодных для описания инструментов слесаря или программиста, дело бессмысленное и смешное. Ее польза выражается словами, которые в «прагматическом» разговоре неуместны. По ироническому замечанию Ф. М. Достоевского, нигилисты считали, что сапоги полезнее стихов Пушкина. И эта глупость о прагматизме с упоением повторяется до сих пор. Какой тут может быть спор? Речь идет о фундаментальных человеческих ценностях. Но как говорить о них, если тебя тут же обвинят в оторванности от жизни, ретроградности, чрезвычайной абстрактности — и вообще, лучше бы ты помалкивал, мастодонт!

Ю.М.: Перейдем к другой теме. Вы пишете, что культурные цели общества определяет властная элита, начиная с князя Владимира, Петра Великого и т.д. А значит именно она определяет пользу философии для общества [4, 117]. Вопрос в том, насколько культурна сама элита. Другими словами, культурные цели общества и образования, в частности, зависят от культурного уровня власти. А с этим у нас в стране дела обстоят не лучшим образом.

Вы соглашаетесь с В.В. Мироновым, что лишь та философия, которая служит идеологии, полезна власти. Она «дает определенные гарантии лояльности “идеологизированного субъекта” и тогда, когда он остается без “присмотра”, то есть вне непосредственного контроля за своим поведением» [3], [4, 117]. А что же тогда делать нынешним философам, когда государственная идеология отменена на конституционном уровне, но в реальности идеология продолжает существовать и даже господствовать? Вы же сами утверждаете, что «сама природа философии противится такому ее сугубо прагматическому предназначению. Покуда жива, она имманентной логикой своего развития рвет идеологические путы и выпархивает из золоченой клетки» [4, 118].

Идеология не исчезает и «деидеологизированного общества» не существует. А значит, философия с этим должна считаться, так или иначе признать свою идеологическую составляющую и функцию. И получается, что в более выгодном положении могут оказаться те философы, которые быстрее других уловят идеологические предпочтения власти и приспособят к ним свои дела и мысли. Каковы эти предпочтения — особый вопрос, но сказать что-то положительное о них я лично не могу.

Вы верно отмечаете, что большинство философов нашей страны плохо приспособлены к деятельности политических технологов, что «философия заподозрена — не без оснований! — в том, что она является источником инакомыслия, разрушает “имиджи” и “харизмы”, иммунизирует сознание против манипуляций» [4, 118]. Поэтому «философы теперь не нужны власти» [4, 118]. Но, по-моему, Вы упрощаете ситуацию. Ей не нужны философы с идеологической позицией, противоречащей идеологии властвующей элиты. Но ведь есть и такие, которые смогли приспособиться и даже извлекают выгоду из сотрудничества с ней. Вы не хотите назвать их философами?

Такое сотрудничество могло бы оказаться не только полезным, но и необходимым. Философам следует активнее участвовать в выработке стратегического курса страны. И без идеологии им не обойтись. Обсуждение «поправок» к Конституции РФ лишь подтверждает это. А Вы как считаете?

В.Н.: Вы пытаетесь все-таки «вытащить» меня из рамок вопроса о вузовской философии, а я ведь не случайно с самого начала сказал, что не хотел бы этого. Но я понимаю, что логика моего рассуждения ведет за эти рамки, удержаться в каких-то можно только за счет вынужденных ограничений.

По сути, Ваш вопрос о том, какую сторону в идеологической конкуренции, чтобы не сказать жестко — «борьбе», должна занять философия, точнее, философы различных направлений и мировоззренческих ориентаций. Но разве не ясно, что общего ответа на такой вопрос нет, вернее, не дело философии стремиться к универсальным ответам в подобных ситуациях?

Твоя идеологическая позиция, господин или товарищ философ, — дело твоего личностного выбора. Чтобы занять такую позицию, не обязательно быть философом. Но уж если ты философ, ты обязан соединить ее с принципами твоего философского мышления. Если соединение не получится, твоя личность развалится на несоизмеримые части. А если получится, гляди, чтобы идеология не съела твою философию, не переварила ее со всеми вытекающими последствиями.

Вопрос в другом. Философы в вузе — в своем большинстве — находятся на государственной службе. Государство — это власть, оставляя в стороне дальнейшие различия понятий. Неизбежен вопрос, правомерно ли требовать от государства, чтобы оно брало на службу (говоря прямо!) людей, не разделяющих его идеологию или враждебных ей? Разумеется, это зависит от того, какое это государство. Если в еще действующей пока Конституции заявлено, что не существует государственной идеологии, то это означает именно то, что отношение государства к государственным служащим не должно определяться идеологическими факторами.

Применительно к вузовской практике это означает, что преподаватели философии, независимо от их идеологической ориентации, могут получать плату за свой труд, если он не связан с идеологической «обработкой» студентов и других учащихся. В этом, и только в этом, смысл требования «автономии философии» в вузе.

Как это работает в реальности? Это уже другой вопрос. И мы прекрасно знаем, что от реальности до теоретического воззрения на нее — дистанция огромного размера.

Вернемся к теме кризиса. Одной из его сторон как раз и является разрыв между дисциплинарными ограничениями философских курсов и жгучими запросами студентов, ищущих живого участия в духовной и интеллектуальной жизни общества. На философские идеи наводится «хрестоматийный глянец», они тонут в умолчаниях, превращаются в музейные экспонаты, которые нужно созерцать, не пытаясь приме-

ритель к действительности. Это делает сам процесс их усвоения двусмысленным и, простите, зачастую лицемерным. А лицемерия в нашей жизни хватает и без философских курсов.

Как я понял, Вы сторонник того, чтобы философы, в своем профессиональном статусе, вносили свой вклад в решение важнейших стратегических вопросов страны. Я тоже за это. Кто же станет возражать против дельного и эффективного сотрудничества? Но, как говорил монтер Мечников из «Двенадцати стульев», согласие есть продукт взаимного непротivления сторон. С этим не поспоришь, не так ли?

Среди тех, чьими решениями определяется стратегия развития высшего образования в нашей стране, я уверен, есть люди с научными званиями и степенями по философии. Немало и экспертов, дающих рекомендации по выработке такой стратегии. Я далек от того, чтобы «отлучать» их от философии, это было бы просто глупо. Такова ситуация в современной философии, это ее реальность. И это, я думаю, еще одна сторона нынешнего кризиса, который, как Вы заметили, не сводится к констатации убогой роли философии в университетах.

О сложном и противоречивом взаимоотношении философии и идеологии я уже говорил. Добавлю, что борьба идей — нормальное состояние философии, борьба идеологий, вышедшая за рамки цивилизационных норм и правил, часто приводит к трагическим событиям. С этим необходимо считаться не только философам.

Ю.М.: Кстати, о профессионалах. Не секрет, что многие доктора и кандидаты философских наук не имеют базового философского образования. Такую ситуацию невозможно представить, например, в медицине. А в философии это возможно. Более того, некоторые ученые, специалисты в других областях знания, часто оказываются авторитетами именно в философии.

Какими качествами, на Ваш взгляд, должен обладать профессиональный философ? Сейчас в ходу и в моде измерять профессиональный уровень по критериям публикационной активности, выработанным в соответствии с бюрократически выхолощенными наукометрическими стандартами. Что Вы можете сказать об этом?

В.Н.: Я еще раз замечу, что тему нашего разговора хотел бы удержать в рамках проблем, связанных с вузовской философией, хотя она, как видите, имеет склонность к спонтанному расширению.

Профессионализм вузовского преподавателя философии измеряется в двух плоскостях. Он должен быть исследователем и обладать качествами лектора и педагога. Далек не все обладают этими качествами в равной мере. Я помню лекции Валентина Фердинандовича Асмуса, выдающегося знатока и исследователя истории философии. Их было трудно слушать, он невнятно бубнил на кафедре, читая свои конспекты. Правда, мои воспоминания относятся уже к последним годам его жизни. Разумеется, он был профессионалом в лучшем и высшем смысле этого слова. Я встречал и талантливых лекторов, которым не удалось представить практически ни одной значащей философской работы.

Сейчас статус вузовского преподавателя измеряется в обоих плоскостях одновременно. От этого зависит и размер «денежного вознаграждения» (прошу прощения за этот эвфемизм), и перспектива конкурсного отбора. Отчасти это является причиной бессмысленной «пролиферации» так называемых «научных статей» и «монографий» по принципу «Публикуй или умри!». Особый нюанс в том, что публиковать свои опусы следует в так называемых «высокорейтинговых» изданиях, преимуще-

ственно за рубежом. Этому находят изощренные оправдания и обоснования, например, утверждая, что таким образом российская философия выходит на передовые рубежи и заслуживает мирового признания.

Не берусь судить о естествознании или медицине, математике или технических науках, пусть специалисты высказывают свои мнения. Но в философии это чаще всего «цирк с огнями» и почва для процветания мошенников, гарантирующих публикации в высококвартильных (!) журналах — за приличную мзду.

Признаю, отчасти это поветрие вызвано низким уровнем отечественных изданий, специализирующихся на философии. Но от того, что лучшие специалисты будут стремиться во что бы то ни стало публиковаться в зарубежных журналах (тоже, кстати, далеко не всегда действительно высокого, а не искусственно раздутого, уровня!), уровень отечественной философской периодики не повысится, а наоборот, либо сойдет на нет, либо окончательно «охалтурится». Энтузиазм ревнителей профессионального престижа российской философии, ей-богу, заслуживает лучшего применения!

Что касается базового образования философа-профессионала, тут особой проблемы я не вижу. Хрестоматийные примеры — вклад в философию великих физиков, таких как И. Ньютон, Н Бор, А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, С. Хокинг, великих математиков — А. Пуанкаре, Д. Гильберта, Г. Кантора, К. Геделя, Г. Перельмана, великих биологов, великих астрономов... Другое дело, что никто из них и не считал себя философом-профессионалом. Я знаю прекрасных философов, моих соотечественников, которые будучи физиками, биологами, математиками, психологами и т. д., стали авторами крупных философских исследований и отличными преподавателями философии в вузах.

Конечно, вспоминать о преподавателях философии марксизма-ленинизма — бывших войсковых политработниках или партийных функционерах — здесь уже как-то скучно. К вопросу о профессионализме это отношения не имеет. Разумеется, идеалом профессиональной вузовской философии надо было бы считать такой порядок, при котором преподаватель излагает студентам не некий стандартный (соответствующий ФГОСу!) курс данной дисциплины, а результаты своих собственных исследований, знакомит своих слушателей со своим пониманием основных проблем, с какими встречается в ходе этих исследований.

До этого идеала нам всем очень далеко. Но я бы призвал все-таки иметь этот идеал перед собою и по мере возможности руководствоваться им. Нечего и говорить, что этот идеал для своей хотя бы частичной реализации требует перемены основных целей вузовского образования вообще и философского в частности.

Ю.М.: *В заключение хочу обсудить предлагаемые Вами в цитируемой статье пути выхода вузовской философии из кризиса. Во-первых, Вы настаиваете на признании всеми деятелями культуры необходимости философии как самосознания культуры. Это признание должно отразиться и в реформе высшего образования. Во-вторых, Вы считаете, что все «решения... должны быть направлены на повышение профессионального уровня преподавателей философских дисциплин в вузах России» [4, 119]. Для этой цели нужно усилить работу институтов повышения квалификации. В ней должны принять участие соответствующие министерства, академические структуры и Российское философское общество. Полагаю, что Ваше предложение возродить «летние философские школы» и продолжить конкурсы на лучшие учебники нужно поддержать. Этим и занимается сейчас РФО. В-третьих, по Вашему мнению, следует поддержать преподавателей философии зарплатами, возвращающими им человеческое достоинство. В-четвертых,*

Вы предлагаете развивать новые методы и средства преподавания философии с использованием сетевых технологий.

С тех пор, как Вы сформулировали эти предложения, прошло почти семнадцать лет, и положение философии в высшем образовании значительно ухудшилось. Тогда Вы, наверное, еще не могли предвидеть многое из того, что происходит сейчас: существенное сокращение философских кафедр в вузах, бюрократическая вакханалия оценки публикационной активности преподавателей по формальным лекалам, тиски ежегодно увеличивающегося объема отчетности, наращивание до неестественных пределов учебной и научной нагрузки, превращающей работников высшей школы в говорящих автоматов, если не имитаторов профессиональной работы. Я бы еще отметил моральную деградацию, которая неизбежно следует за этими изменениями.

Не означает ли это, что пути выхода из кризиса так и не найдены? А Ваши былые предложения повисли в воздухе, как пустые мечтания?

В.Н.: На языке избитый анекдот о сантехнике, предлагавшем не прокладки в кранах менять, а всю систему. Семнадцать прошедших лет убедили меня в том, что сантехник был прав. Система меняется, но не в лучшую сторону. Реформы обгоняют одна другую, но толку мало, а бестолочи все больше. Все меньше надежных реформаторов. Многие из них живут в некой альтернативной реальности, полагая, что подлинную реальность следует насильно подогнать под вымышленную.

Вузовская философия – продукт этих реформаторских потуг. Может ли она стать иной? Я уже признался, что надежд на этот счет почти не питаю. Если я ошибаюсь, это было бы прекрасно. Но думаю, если потуги продлятся, спасения точно не будет.

Что в наших силах? Бороться доступными нам средствами против выхолащивания исследовательского процесса. Стремиться к сохранению и повышению качественного уровня центров по подготовке профессиональных философов – философских факультетов, школ, кафедр. Сопротивляться моральной деградации, идущей от ретивых приспособленцев. Отстаивать и соблюдать принципы академической этики во что бы то ни стало [1; 7; 9].

Я не принимаю упреки в алармизме и пессимизме. Все сказанное здесь о кризисе не означает, что, потеряв свое место обитания в вузе, философия вообще прекратит свое существование. Нет, конечно, нет. Она бессмертна, пока существует мыслящее человечество. Философия найдет для себя убежища и оазисы, резервации и приюты. Она, безусловно, переживет трудные для нее времена, да и всех нас. Но за то, чтобы она продолжала жить в вузе здоровой и полезной жизнью, нам надо еще поборотся. Как говорили древние, *contra spem spero*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Перспективы этики профессора в ситуации трансформирования университета // Кризис этики профессора в трансформируемом университете. Ведомости прикладной этики. Вып. 55 / Под ред. В. И. Бакштановского. – Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. – С. 105-132.
2. *Лекторский В.А.* Неизбежность идеологии (идеология, наука, философия) // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – С. 180-189.
3. *Миронов В.В.* «Деидеологизация» – новая идеология? (о месте философии в образовании) // Высшее образование в России. – 2002. – №1.
4. *Порус В.Н.* О философии в вузе – без прикрас, но с надеждой / Светлое озеро: о философии в вузе – без прикрас, но с надеждой: материалы философско-психологической школы оксфордского Российского фонда. – Петрозаводск. Изд-во ПетрГУ, 2009. – С. 141-166.

5. Порус В.Н. О кризисе вузовской философии // Высшее образование в России. 2003. № 3. – С. 114-120.
6. Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации / Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – С. 98-129.
7. Скворцов А.А. Академическая этика в пограничной ситуации: есть ли надежда на спасение? // Кризис этики профессора в трансформируемом университете. Ведомости прикладной этики. Вып. 55 / Под ред. В.И. Бакштановского. – Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. – С. 42-53.
8. Современная отечественная философия: люди, система идей и институты (С.С. Аванесов, А.М. Бекарев, Ф.И. Гиренок, П.С. Гуревич, И.И. Докучаев, И.Т. Касавин, С.В. Комаров, В.А. Конев, А.А. Кузьмин, А.Л. Никифоров, А.М. Орехов, К.С. Пигров, М.А. Пронин, В.И. Разумов, Ю.М. Резник, В.М. Розин, О.А. Скоркин, И.П. Смирнов, С.А. Смирнов, Г.Л. Тульчинский, В.Н. Шербина) // Личность. Культура. Общество. 2017. Том XIX. Вып. 3-4. – С. 131-198.
9. Тульчинский Г.Л. Трансформация этоса профессуры: цифровизация как контекст кризиса // Кризис этики профессора в трансформируемом университете. Ведомости прикладной этики. Вып. 55 / Под ред. В. И. Бакштановского. – Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. – С. 64-71.

BIBLIOGRAPHY

1. Bakshtanovskij V.I., Bogdanova M.V. Perspektivy jetiki professora v situacii transformirovanija universiteta // Krizis jetiki professora v transformiruемом universitete. Vedomosti prikladnoj jetiki. Vyp. 55 / Pod red. V. I. Bakshtanovskogo. – Tjumen: NII PJe TIU, 2020. C. 105-132.
2. Lektorskij V.A. Neizbezhnost ideologii (ideologija, nauka, filosofija) // Filosofija i ideologija: ot Marksa do postmoderna / Otv. red. A.A. Gusejnov, A.V. Rubcov, sost. A.V. Rubcov. – M.: Progress-Tradicija, 2018. C. 180-189.
3. Mironov V.V. «Deideologizacija» – novaja ideologija? (o meste filosofii v obrazovanii) // Vyshee obrazovanie v Rossii. – 2002. – №1.
4. Porus V. N. O filosofii v vuze – bez prikras, no s nadezhdoj / Svetloe ozero: o filosofii v vuze – bez prikras, no s nadezhdoj: materialy filosofsko-psihologicheskoy shkoly oksfordskogo Rossijskogo fonda. – Petrozavodsk. Izd-vo PetrGU, 2009. S. 141-166.
5. Porus V.N. O krizise vuzovskoj filosofii // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2003. № 3. – S. 114-120.
6. Rubcov A.V. Illjuzii deideologizacii / Filosofija i ideologija: ot Marksa do postmoderna / Otv. red. A.A. Gusejnov, A.V. Rubcov, sost. A.V. Rubcov. – M.: Progress-Tradicija, 2018. C. 98-129.
7. Skvorcov A.A. Akademicheskaja jetika v pograničnoj situacii: est li nadezhda na spasenie? // Krizis jetiki professora v transformiruемом universitete. Vedomosti prikladnoj jetiki. Vyp. 55 / Pod red. V. I. Bakshtanovskogo. – Tjumen: NII PJe TIU, 2020. C. 42-53.
8. Sovremennaja otechestvennaja filosofija: ljudi, sistema idej i instituty (S.S. Avanesov, A.M. Bekarev, F.I. Girenok, P.S. Gurevich, I.I. Dokuchaev, I.T. Kasavin, S.V. Komarov, V.A. Konev, A.A. Kuzmin, A.L. Nikiforov, A.M. Orehov, K.S. Pigrov, M.A. Pronin, V.I. Razumov, Ju.M. Reznik, V.M. Rozin, O.A. Skorkin, I.P. Smirnov, S.A. Smirnov, G.L. Tulchinskij, V.N. Shherbina) // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2017. Tom XIX. Vyp. 3-4. – S. 131-198.
9. Tulchinskij G.L. Transformacija jetosa professury: cifrovizacija kak kontekst krizisa // Krizis jetiki professora v transformiruемом universitete. Vedomosti prikladnoj jetiki. Vyp. 55 / Pod red. V. I. Bakshtanovskogo. – Tjumen: NII PJe TIU, 2020. C. 64-71.

Примечания

1. См.: <https://iphras.ru/concurs2019.htm> (дата обращения – 26.03.2020).

Поступила в редакцию 21.08.2020 г. (№ 2395)